

18+

Елена

Венцель

Дневник форумчанки: инсайд от первого лица

Елена Венцель
Дневник форумчанки:
инсайд от первого лица

<https://litres.ru/74157014>

ISBN 9785007032018

Аннотация

Инсайд: взгляд из-за кулис на мир больших денег. Взрывная исповедь из кухни элитных форумов, где за бейджами и протоколами вершатся судьбы.

Аня — программный директор форумов, свой человек в бизнес-тусовке. Она знает все про всех. Но один клик рушит ее карьеру. Она пишет разоблачение — язвительное, беспощадное. Они узнают себя, мстят... и предлагают союз. Систему, которая сломала её, она переписывает по своим правилам. Но цена? Её собственные секреты, которые они знали лучше, чем она сама.

Содержание

Книга первая: закулисье бизнес-форумов	6
Глава 1. Инструкция по применению (или с чего начинается утро настоящей форумчанки)	6
Глава 2. Коллекционер связей (или мое первое свидание с главным инвестором)	10
Глава 3. Секретная папка «ЧП» (или когда у ключевого спикера закончилась речь)	14
Глава 4. Дипломат с просроченной визой в личную жизнь	18
Глава 5. Разговор с мамой из номера с видом на дворец (или почему нельзя объяснить, чем ты занимаешься)	22
Глава 6. Цифровой визионер (или как я пыталась найти розетку в будущем)	26
Глава 7. Ошибка синхронизации (или когда личный чат попал в рабочий)	30
Глава 8. Извинения по протоколу (или как меня заставили просить прощения на коленях, которых никто не видел)	35
Глава 9. Предложение, от которого нельзя отказаться (или когда тебя спасает тот, кого ты ненавидишь)	40
Глава 10. СОБСТВЕННАЯ ИГРА (или что на	45

самом деле лежит в сейфе)	
Глава 11. Первая строка, которая болит (или как начать рассказ, когда героиня — это ты)	50
Глава 12. Первый читатель, который не должен был читать	55
Глава 13. Цепная реакция (или как мой текст стал валютой в кулуарах)	60
Глава 14. Предложение о выкупе (или цена молчания)	65
Глава 15. Завершение цикла (или тишина перед ответом)	70
Книга вторая. Послепати	75
Глава 1. Бывшая форумчанка и ее новый, совершенно неподходящий герой	75
Глава 2. Премия для неудобных (или как меня оценивали те, кого я вывела в титрах)	81
Глава 3. Свидание с экспертом по медведям (и прочим неустойчивым средам)	88
Конец ознакомительного фрагмента.	93

Дневник форумчанки: инсайд от первого лица

Елена Венцель

© Елена Венцель, 2026

ISBN 978-5-0070-3201-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Дневник форумчанки: инсайд от первого лица

*Предисловие: все персонажи являются
сборительными образами, а события —
художественным вымыслом. Любые совпадения с
реальными людьми случайны.*

Книга первая: закулисье бизнес-форумов

Глава 1. Инструкция по применению (или с чего начинается утро настоящей форумчанки)

Мой будильник звучит не мелодией, а фразой «Добро пожаловать на пленарное заседание!», записанной на диктофон голосом самого невозмутимого в мире модератора. Это не прихоть. Это — ритуал. Первая прививка от иллюзий на день.

Пока обычные люди пьют кофе с мыслями «опять на работу», я совершаю утренний брифинг перед зеркалом. Задача: превратиться из человека, который пять минут назад ворчал на сломанную кофемашину, в событие в себе. В человека, у которого на лбу невидимым, но очень жирным шрифтом выведено: «Я знаю, где будет проходить закрытый ужин и у кого спросить пропуск».

Моя униформа — это не просто платье. Это тактический артефакт. Цвет: «уверенный нейтрал» (никаких кричащих розовых, мы же не на показе). Фасон: «деловая, но с намё-

ком» (намёк должен быть такой тонкий, чтобы его разглядел только тот, у кого аккредитация не ниже V.I.P.). Обувь — отдельная наука. Каблук должен быть достаточно высоким, чтобы доминировать в селфи, и достаточно устойчивым, чтобы можно было бежать за уезжающим лимузином спикера, улыбаясь и не спотыкаясь. Это искусство, которому не учат в университетах.

Сегодняшний день — не просто день. Это День Ноль перед открытием Большого Форума. День, когда все настоящие битвы уже выиграны или проиграны на невидимом фронте. Моя сумка — это командный пункт. Помимо паспорта, тут лежат:

— Три вида пропусков с разными уровнями доступа (ошибка в выборе цвета бейджа может стоить разговора с главной VIP-персоной).

— Зарядка-«убийца» на 40 000 mAh (вежливость — предложить умирающий телефон важного человека спасти раньше, чем он об этом попросит).

— Пачка визиток. Мои старые визитки смотрят на новые с тихой тоской не востребоваемости, как ветераны на призывников.

И главное — священный Грааль: расписание с пометками. Здесь не просто «панельная дискуссия, зал «Синий». Здесь: «18:30 — зал «Синий». Спикер №1 (склонен к долгим монологам, отвлекать после 15-й минуты). Спикер №2 (аллергия на цветы, убрать хризантемы со стола). Кофе-брейк (усилить

охрану у коридора в кулуары, иначе прорвутся все, кому не положено)».

Мой бывший мужчина, простой и честный инженер из Выборга, как-то сказал, глядя на это расписание: «У тебя план любовного свидания менее детализированный». Он был не прав. Любовное свидание — это лотерея. А форум — это шахматы, где все фигуры имеют склонность к самодурству, а доска периодически бьётся током.

Сегодняшняя ключевая задача в To-Do list звучит лаконично: «Убедить Сергея Михайловича (не путать с другим Сергеем Михайловичем, это тот, что с бакенбардами) выступить на сессии вместо заболевшего нобелевского лауреата. Аргумент: «История делается здесь и сейчас, а посмертно — только в учебниках».

Я наношу последний штрих — помаду цвета «срочное совещание». Смотрю на своё отражение. Из зеркала на меня смотрит не девушка. Смотрит программный директор. Человек-интерфейс между властью, деньгами и публикой. Человек, который знает, где сходятся все нити, и как их не порвать.

И только я одна знаю, что где-то там, глубоко внутри этой идеальной с виду конструкции, сидит обычная Аня из Питера, которая в данный момент отчаянно хочет не покорять мир, а просто найти в этой сумке хоть одну жевательную резинку. И понимает, что вместо неё там лежит запасной договор о намерениях на английском языке.

Но это — не для всеобщего сведения. Это — инсайд. Добро пожаловать за кулисы. Дальше будет смешнее. И немного грустнее. Но в основном — невыносимо интересно.

Глава 2. Коллекционер связей (или мое первое свидание с главным инвестором)

Настоящие мужчины на форумах не знакомятся. Они сканируют. Их взгляд — это не «ах, какая девушка!», а «ах, какой у нее бейдж!». В лучшем случае — «ах, чья она?».

Мое первое «свидание» в статусе форумчанки произошло не в ресторане, а на рабочем обеде, который все участники тщетно пытались выдать за неформальное общение. Моего визави звали Арсений. Нет, не Арсений. Ар-се-ний. С точностью до каждого звука. Он был не из тех, кого представляют по имени. Его представляли так: «А это — наш ключевой акционер». Акционер чего? Всего. Если здесь что-то происходит, значит, у Арсения там есть доля. От гостиничного лифта до концепции национальной идеи — везде он если не владелец, то советник.

Он выбрал меня не из-за глаз. Он выбрал меня, потому что в моем расписании на тот вечер стояла пометка «координация с администрацией форума». Арсений коллекционировал не женщин. Он коллекционировал доступы. Я была живым, дышащим доступом к тем, с кем у него была запланирована «случайная» встреча завтра.

Наш диалог был шедевром двойного кодирования.

Он (взяв меню): «Я слышал, вы мастерски расставляете приоритеты в повестке».

Перевод: «У тебя в руках список гостей на закрытый ужин. Мне нужно быть в топ-5 соседей для того седого мужчины слева».

Я (глядя в винный лист): «Приоритеты — это всегда вопрос правильной расстановки акцентов. Иногда один удачный контакт заменяет три панельные дискуссии».

Перевод: «Список у меня. Место для тебя есть. Что предложишь взамен?»

Мы говорили о вине, а имели в виду лоббирование поправок. Мы обсуждали стейк, а торговались за пятнадцать минут личного времени вице-министра. Это был танец, где каждый па был финансовой транзакцией.

И тогда я совершила ошибку новичка. Я попыталась сменить код. После того как договоренности были достигнуты и он мысленно уже поставил галочку напротив моего имени («полезный контакт»), я спросила:

— Арсений, а вы часто бываете в Петербурге просто так? Без форумов?

Он отложил нож и вилку, посмотрел на меня с искренним, неподдельным удивлением. Таким, каким смотрят на кошку, которая вдруг заговорила цитатами из Канта.

— «Просто так»? — переспросил он, как будто это было слово на редком диалекте. — Аня, вся моя жизнь — это форум. Просто некоторые сессии длятся дольше других.

Он улыбнулся. Это была не теплая улыбка. Это была техническая улыбка. Галочка в чек-листе «установление раппорта». Потом он взглянул на часы Rolex, которые показывали не время, а цену его следующего получаса, и мягко, но необратимо перевел разговор на тему логистики трансфера.

Когда он ушел, оставив после себя идеально чистую тарелку и ощущение, что тебя только что использовали как живое приложение к смартфону, официант принес десерт. «От господина». На тарелке с брауни лежала не визитка. Лежала карта. Не кредитная. Карта клуба. Того самого, куда нельзя просто так купить членство. Только по рекомендации. На ней была наклейка с текстом «от руки»: «Для полезных дискуссий. А.»

Это был не подарок. Это был аванс. Плата за будущие услуги. Самый дорогой и самый дешевый жест одновременно.

Я выпила свой кофе одним глотком. Горьким. Позвонила маме в Псков. Она спросила: «Ну что, как твой день, дочка? Встретила кого-нибудь?»

«Да, — сказала я, глядя на блестящую карту. — Встретила. Целого акционера».

«И какой он?» — с надеждой спросила мама.

Я представила, как описываю ей Арсения: «Он как очень красивый, идеально отполированный шкаф. В нем есть множество ящичков, каждый для чего-то нужного. Но жить в нем нельзя. И греться у него бесполезно».

«Ничего не понимаю в ваших питерских, — вздохнула мама. — Главное, чтобы хороший был».

Я положила карту в специальный отдел сумки, где хранился стратегический запас. Рядом с запасным паспортом и пачкой сильных обезболивающих.

Хороший. Да, мам. Очень хороший. Как швейцарские часы. И так же бесчувственен.

Глава 3. Секретная папка «ЧП» (или когда у ключевого спикера закончилась речь)

В моем ноутбуке есть папка с безликим названием «Бэкап». Внутри — святая святых. Папка «ЧП». Чрезвычайные Происшествия. Не те, что в новостях («участники договорились о сотрудничестве»). Те, что настоящие.

Правило номер один в нашем деле: чем важнее персона, тем нелепее может быть проблема. Гений логистики, способный за час перебросить делегацию через три часовых пояса, пасует перед просьбой: «Он будет выступать только если стул будет на 3 сантиметра ниже, иначе не видно суфлера». А суфлер, к слову, в этот момент уже в реанимации с приступом панической атаки, потому что в его тексте выступления кто-то заменил все запятые на точки с запятой, и он увидел в этом злой умысел.

Сегодняшнее ЧП носило код «Голый король». В 10:25, за пять минут до выхода на сцену ключевого спикера иуровня, его помощник, бледный как экран моего ноутбука в 4 утра, прошептал мне на ухо: «Речь... исчезла».

«Что значит „исчезла“? — спросила я с ледяным спокойствием, за которым клокотала лава паники. — Удалена? Флешку украли?»

«Хуже, — выдавил он. — Она... закончилась».

Оказалось, он, привыкший к тому, что тексты ему пишут, а он лишь облагораживает их своим прочтением, в этот раз решил посмотреть на речь заранее. И... дочитал до конца. Физически. На последней странице стояла точка. И всё. Не было привычных пятнадцати страниц «резюме, выводов, перспектив». Точка. Конец. Аппаратная пустота его так поразила, что он отказался выходить, пока текст не будет «дополнен до состояния фундаментальности».

Мои следующие 240 секунд — это готовый сценарий для блокбастера про супергероев. Только суперсила здесь одна: дикая, животная скорость набора текста.

— Секунда 1—30: Оценка обстановки. Спикер в зеленой комнате делает дыхательную гимнастику и смотрит в пустоту. Его взгляд говорит: «Я жду величия».

— Секунда 31—90: Я диктую в диктофон абсурдный поток: «...и в этой парадигме необходимо синхронизировать векторы цифровой трансформации с запросами человеческого капитала, обеспечивая тем самым синергетический эффект в горизонте стратегического планирования...» Мой стажер, девочка Лиза с филфаком, записывает это иероглифами от ужаса.

— Секунда 91—180: Печать на принтере в соседней сервис-руме. Звук, громче выстрела. Несу листы, едва обсохшие от чернил. Помощник спикера пытается прочитать. Спотыкается на слове «синергетический». Я выхватываю ли-

сты: «Некогда! Это надо не читать, это надо пронести!»

— Секунда 181—240: Вхожу в зеленую комнату. Не бегу. Иду. С тем видом, будто несу не три страницы абракадабры, а драгоценный свиток. Кладу текст перед ним. «Дополненный вариант, с учетом глубины темы». Он кивает, как полководец, принимающий донесение о победе. Его взгляд скользит по строчкам. Он видит знакомые, правильные слова. «Синергия», «трансформация», «устойчивое развитие». Музыка его души. Он удовлетворен.

В 10:31 он выходит на сцену под бурные аплодисменты. Его речь звучит мощно и осмысленно. Никто, кроме меня, Лизы и его перепуганного помощника, не знает, что ровно половина этого текста была написана за три минуты человеком, который в этот момент думала только о том, что она забыла позавтракать.

После, когда все схлопнулось, я сижу на кухне для персонала с чашкой холодного кофе. Ко мне подсаживается пожилой электрик дядя Вася, который обслуживает форумы со времен, когда главным технологическим чудом был слайдскоп.

— Что, царя спасала? — спрашивает он, хитро прищурившись.

— Как вы догадались? — искренне удивляюсь я.

— По глазам. У всех, кто царя от позора уберег, глаза после этого полчаса как стеклянные. Ничего, — хлопает он меня по плечу. — Он-то выступил, отчитался. Ты — работу

сделала. Красота.

В его простой формуле была дикая, успокаивающая правда. Он выступил. Я сделала работу. И завтра это ЧП перейдет в архив папки, превратится в байку, которую будут рассказывать за бокалом теплого белого вина на следующей авральной подготовке.

Только мои руки все еще мелко дрожат. Не от адреналина. А от осознания. Самые важные слова, которые услышали сегодня тысячи людей, были абсолютно бессмысленны. И только в этой бессмысленности была их совершенная, кристальная чистота. Они выполнили свою функцию: заполнили время и создали видимость мысли.

Я допиваю кофе. Смотрю на расписание. Через сорок минут — координация по культурной программе для жен президентов компаний. Нужно проверить, чтобы в экскурсионном автобусе точно не было сквозняка. И чтобы никто случайно не предложил им купить сувениры. Это будет сложнее, чем написать три страницы о синергии.

Глава 4. Дипломат с просроченной визой в личную жизнь

В нашей среде есть особая категория мужчин. Они не измеряют жизнь в деньгах. Они измеряют ее в юрисдикциях. Их дом — не город, а статус. «Резидент Женевы», «нерезидент для налоговых целей», «лицо с экстерриториальным иммунитетом». Самое романтичное, что может сказать такой мужчина: «Я буду в твоей юрисдикции на следующей неделе».

Максим был именно таким — бывшим дипломатом и ныне ключевым участником международных проектов. Он появился не на сессии, а после — в том самом легендарном баре отеля, где цены на виски — это не цифры, а намек на то, что тебе здесь не место. Сидел один, с папкой на стуле рядом, как будто охраняя невидимого собеседника.

Я зашла туда, потому что у меня сдали нервы после «дела о сломанном суфлере». Нужен был один крепкий, тихий и дорогой напиток. Мы встретились взглядами. Не сканирующим, как у Арсения. Усталым. Он кивнул на пустой стул у своего стола: «Если вы не боитесь скучать в компании человека, который сегодня исчерпал лимит дипломатичных слов». Голос у него был низкий, с легкой хрипотцой, как у того, кто много курит в перерывах между долгими переговорами.

Он не спрашивал, кто я и зачем. Он купил мне виски (той же марки, что пил сам, без дурацких вопросов) и сказал: «Расскажите мне что-нибудь настоящее. Про что угодно. Про погоду в Петербурге. Про то, как пахнет кофе в вашей любимой булочной. Про что-то, что нельзя включить в итоговую декларацию».

И я рассказала. Не о форуме. О том, как в детстве ходила с дедом на рыбалку на Псковское озеро, и он учил меня определять ветер по ряби на воде. Про булочную «Волконского» и про то, что у них действительно лучший круассан с миндальной пастой в городе. Говорила тихо, будто боялась спугнуть эту странную, нефорумную тишину между нами.

Он слушал, не перебивая, вращая бокал. Потом сказал: «Знаете, самая ценная валюта в моей работе — не информация. Это время. Время другого человека. Его 15 минут. Его час. Его день. Мы торгуем отрезками чужой жизни, выстраивая из них политику. Иногда мне кажется, я разучился чувствовать свои собственные».

Он был красивым, этот Максим. Красивым той опасной красотой уставшего идеалиста. В его глазах жило целое министерство иностранных дел внутренних сомнений.

Потом мы вышли. Шли по набережной мимо освещенных окон дворцов. Он не пытался меня поцеловать. Он взял меня за руку. Просто и буднично, как будто мы так ходили сто лет. Его рука была теплой и очень твердой. И в этот момент прозвучала самая нелепая и самая идеальная фраза.

У него зазвонил телефон. Он посмотрел на экран, и его лицо, только что расслабившееся, снова стало официальным, гладким, как документ на бланке. «Простите, это... Женева», — сказал он с извиняющейся улыбкой.

Я кивнула, отпустила его руку. Он отошел на два шага, повернулся ко мне спиной, и его голос изменился. Стал ровным, профессиональным, безличным. «Да, слушаю вас. По вопросу санкционных оговорок...»

Я стояла и смотрела на его спину в дорогом пальто, на темную воду Невы и понимала: вот он, момент истины. Я только что была в его личной юрисдикции. На целых двадцать минут. А теперь его отозвали. Досрочно. Без права обжалования.

Он вернулся через пять минут. «Извините, это было...»
«Не надо, — перебила я. — Я понимаю. У тебя же просрочена виза».

Он не понял шутку. Наклонил голову. «Виза?»
«В личную жизнь. Ты превысил лимит пребывания. Тебя депортировали обратно на службу».

Он рассмеялся. Искренне, по-человечески. Потом вздохнул. «Аня, ты... невыносимо права. Меня завтра утром отзывают. Срочно. В Брюссель».

Мы простояли еще несколько минут. Он снова взял меня за руку. Но это уже было другое рукопожатие. На прощание. Он поцеловал меня в щеку, и его губы были теплыми, а взгляд — уже отъезжающим.

«Я вернусь в твою юрисдикцию», — сказал он, уже отходя.

«Когда срок действия визы истечет?» — крикнула я ему вслед.

Он обернулся, улыбнулся той самой технической улыбкой, которую я уже научилась различать. «Как обычно. Когда закончатся переговоры».

Я пошла обратно к отелю одна. В кармане пальца лежала его визитка. С двумя телефонами: московским и швейцарским. И почерком на обороте: «За круассаном. М.»

Это было не начало истории. Это была вся история, упакованная в один вечер. Знакомство, сближение, отзыв, отъезд. Такая вот дипломатия чувств. Краткосрочная миссия без права на продление.

Дома я выпила еще один виски, уже одна, глядя на огни Васильевского острова. И подумала, что, наверное, в какой-то параллельной вселенной существует девушка, которая ждет своего мужчину не с рейса из Брюсселя, а с работы из офиса на окраине.

Глава 5. Разговор с мамой из номера с видом на дворец (или почему нельзя объяснить, чем ты занимаешься)

Всю субботу я отсыпалась после аврала, когда телефон за-
верещал с маминого номера из Пскова. Не обычный звонок,
а видеозвонок. Мама освоила технологию ровно для одной
цели: видеть, не худею ли я.

— Доченька, где ты? Что это у тебя за стена такая? —
сразу начала она, прищуриваясь в камеру.

Я провела рукой по лицу, переводя камеру на окно. Вид
был действительно эпический: позолоченные шпили, зим-
няя Нева, дворцовая набережная в инее.

— Я в отеле, мам. На работе.

— В отеле? На работе? — ее голос приобрел ту самую
нотку, которая означает «или ты мне все рассказываешь, или
я сейчас вызову ОМОН». — Это что за работа такая, чтобы
в отеле жить? Ты что, горничная?

Я закатила глаза. Объяснять маме, что такое «программ-
ный директор форума», — все равно что объяснять коту тео-
рию относительности. Он будет смотреть на тебя с интере-
сом, а в глазах пустота.

— Нет, мам. Я не горничная. Я организую... большое ме-
роприятие. Для очень важных людей.

— Важных? — она придвинула лицо к камере. Я могла разглядеть каждую морщинку, каждую капельку заботы в ее глазах. — А что, эти важные сами ничего организовать не могут? У них рук нет? Ты мне лучше скажи, ты там нормально ешь? Я вижу, щеки впалые!

Это был наш классический диалог глухих. Мы говорили на разных языках. Ее язык состоял из конкретики: суп, зарплата, муж, дети. Мой — из абстракций: нетворкинг, дедлайны, контингент спикеров.

— Мама, все хорошо. Ем. Получаю деньги. Мужчин нет, детей тоже.

— Ну вот! — воскликнула она, как будто я только что подтвердила ее худшие подозрения. — Я же говорила! Вся эта твоя беготня с важными — она от хорошей жизни? Нормальная девушка в твои годы уже второго ребенка водит в садик, а ты в каком-то номере живешь! Ты хоть понимаешь, что время-то уходит?

В ее голосе не было упрека. Там была паника. Паника матери, которая видит, как ее дочь выбирает жизнь, которую она не может вместить в свою систему координат. Для нее успех — это крепкая семья в родном городе. Все, что за пределами Пскова, — уже авантюра. Все, что за пределами семьи, — уже трагедия.

— Мам, — попыталась я мягко. — Вот представь, что я... дипломат. Вот приезжают иностранцы, и я помогаю...

— Дипломат?! — перебила она. — Ты же по английско-

му у меня всегда четверка была! Ты помнишь, как тебе репетитор говорил, что у тебя «хелло» вместо «хелоу»? Какие дипломаты!

Я сдалась. Сдалась с тихим смехом. Потому что она была права. В ее мире я не была суперуспешной. Я была странной. Девочкой с четверкой по английскому, которая зачем-то носится по шикарным отелям и называет это работой.

— Ладно, мам. Ты права. Скоро все закончится, приеду, будем щи варить.

— Вот и умница! — ее лицо просияло. Она получила то, что хотела: обещание, что я вернусь в норму. В ее норму. — А этот номер... он хоть не слишком дорогой? А то потом с тебя удержат!

— Не удержат, мам. Он включен в... пакет услуг.

— В пакет? Как колбаса? Ну, ты смотри там.

Мы поговорили еще пять минут о том, какую капусту купить для щей, и попрощались. Я положила телефон и обхватила голову руками. Тишина номера после ее звонка была оглушительной.

Я подошла к окну. Внизу текли люди. Кто-то спешил на свидание, кто-то вел за руку ребенка, кто-то просто гулял. У них были простые, понятные жизни. Они не объясняли своим матерям по видеосвязи, что такое синхронизация спичтреков. У них были щи и мужья, которые возвращаются домой в семь.

А у меня был этот номер с видом на дворец. И виски в

мини-баре. И титул «программный директор», который звучал как песня для всех, кроме единственного человека, чье мнение для меня по-настоящему важно.

Я налила себе воды из мини-бара (за 500 рублей, как потом выяснится по счету). Стояла и смотрела в окно.

Потом телефон снова завибрировал. Деловой чат. Сообщение от координатора: «Анна, нужна срочная правка в программу для делегации из Азии. Они хотят добавить церемонию чаепития перед подписанием. В 23:00 по их времени. Можете?»

Я вздохнула. Посмотрела на последнее сообщение от мамы в мессенджере: картинка с котятами и надписью «Главное — будь счастлива!».

«Могу», — отправила я в чат. И села за ноутбук. Чтобы важные люди из Азии могли попить чаю в нужное время. Чтобы все было синхронизировано. Чтобы мир дипломатии и бизнеса продолжал вертеться.

А ши... Ши подождут. Как и все остальное, что имеет вкус, запах и смысл. В этом и заключается моя работа: откладывать жизнь на потом, чтобы прямо сейчас у кого-то другого все прошло идеально.

Глава 6. Цифровой визионер (или как я пыталась найти розетку в будущем)

В нашем мире есть новая каста святых. Их не зовут Сергееми и не величают Ваше Превосходительство. Их зовут короткими именами вроде «Арт» или «Лео», а их превосходительство измеряется в долларах на раунде инвестиций. Они — цифровые визионеры. Пророки data-религии. Их храмы — коворкинги, их мантра — «дисрапнуть», их священный грааль — exit за миллиард.

Один такой визионер, Лекс (настоящее имя — Алексей, родом из Перми), был звездой нашей секции «Технологии завтра». Его стартап по подписке на воздух для осознанного дыхания только что получил оценку в сто миллионов. На сцене он говорил о блокчейне, нейросетях и колонизации Марса таким тоном, будто завтра займется всем этим за завтраком.

Моя задача была проста: обеспечить ему комфорт перед выступлением в лаунж-зоне. Зона представляла собой нечто среднее между капсулой для медитации и командным центром звездолета: бетон, стекло, фитостена и полное отсутствие видимых розеток. Дизайнер, видимо, предполагал, что такие, как Лекс, питаются от ауры инноваций.

Лекс вошел не один. С ним была его «команда ценностей»: продюсер с тремя телефонами и взглядом паранои-

ка, и девушка-нутрициолог, которая следила за тем, чтобы он пил только воду определенной рН-среды, настоянную на кристаллах.

— Лекс, добро пожаловать, — улыбнулась я своим самым дружелюбно-протокольным образом. — Все готово к вашему выступлению.

Он кивнул, не глядя на меня, уставившись в экран ноутбука MacBook, на котором уже горел красный значок батареи.

— Где здесь зарядить? — спросил он не меня, а пространство, как будто ожидая, что голосовой помощник ответит.

— Розетки интегрированы в стол, — показала я на почти невидимые разъемы.

Он ткнул кабелем. Не попал. Второй раз. Третий. Его пальцы, которые за минуту до этого на сцене летали по тацпаду, рисуя футуристические схемы, вдруг выглядели неуклюжими, как у подростка.

— Блин, — выдавил он. Совсем не по-визионерски.

Продюсер зашептал что-то о «негативной вибрации пространства». Нутрициолог предложила сделать дыхательное упражнение. А Лекс, с выражением настоящей паники на лице, прошептал мне так, чтобы не слышали свои:

— Выбейте мне нормальную розетку. Старую. Советскую. С дырками. И удлинитель. А то у меня тут... — он кивнул на ноутбук, — весь проект презентации...

Вот он, момент истины. Цифровой мессия, чья презентация о покорении вселенной, зависела от старого, доброго

удлинителя «Пилот» и розетки, в которую можно тыкать, не целясь.

Пока его команда гармонизировала пространство, я, как настоящий техно-шаман, совершила чудо. Нашла в подсобке уборщицы (святая святых любого отеля!) заветную желтую переноску. Принесла. Включила. MacBook вздохнул с облегчением и засветился белым яблоком.

Лекс посмотрел на меня так, будто я только что спасла его первенца от дракона.

— Вы — гений, — сказал он, и в его глазах было искреннее, человеческое облегчение. — Я тут без слайдов — как... ну, вы поняли.

А я поняла. Я поняла, что будущее, оказывается, очень хрупкое. Оно держится не на блокчейне, а на китайской переноске за триста рублей. И его пророки — такие же люди, которые боятся опозориться перед залом, забыв, с какого слайда начинается революция.

Перед самым выходом он вдруг спросил:

— Слушайте, а вы не в курсе... вот эта штука с подпиской на воздух... Это же вообще ништяк, да?

Вопрос был задан таким тоном, будто он сам не был уверен в ответе.

— Это очень смелая концепция, — дипломатично ответила я.

— Концепция, да... — он задумался. — Ладно, понеслась.

Он вышел на сцену под техно-бит, и зал взорвался аплодисментами. Его слайды сияли. Его голос звучал уверенно. Он снова был Лексом, визионером, который менял мир.

А я стояла за кулисами рядом с желтым удлинителем, который тихонько гудел, питая своими старыми, аналоговыми токами самое цифровое будущее, какое только можно было представить в этом зале.

Позже, когда все закончилось, он нашел меня, чтобы попрощаться. И вместо того чтобы говорить о синергии, он вдруг сказал:

— Вы знаете, в Перми, где я вырос, у нас во дворе такая розетка на столбе висела. Всегда искрила. Мы в футбол около нее играли и боялись попасть мячом.

Он помолчал.

— А сейчас вот я здесь. И все равно искрит. Только по-другому.

Он ушел, оставив меня с этой мыслью. И с его визиткой, на которой было только имя «Лекс» и QR-код, ведущий в метавселенную его стартапа.

Я сканировать код не стала. Зато я точно знала, что если этой метавселенной понадобится надежная, простая розетка, они знают, к кому обратиться.

В мире, который бежит в будущее со скоростью света, самая ценная валюта — иногда оказывается просто удлинитель. И умение его найти.

Глава 7. Ошибка синхронизации (или когда личный чат попал в рабочий)

До сих пор я жила по железному правилу: у меня есть личное и есть рабочее. Они как параллельные вселенные, которые никогда не должны пересечься. Личное — это мессенджеры с подругами, где мы обсуждаем мужчин, вино и отчаяние. Рабочее — это Slack, почта и чаты, наполненные смайликами, дедлайнами и словом «срочно».

А потом появился Марк.

Не акционер. Не дипломат. Не визионер. Марк был... нормальным. Ну, почти. Владел небольшой IT-компанией, делал что-то сёренькое с искусственным интеллектом для логистики. Мы познакомились не на сессии, а в очереди за кофе в перерыве. Он стоял с разряженным телефоном и растерянно смотрел на терминал оплаты. Я молча протянула ему свою карту. «Отдам», — сказал он. «Не стоит, — улыбнулась я. — Просто заплатите дальше». Так и завязалось.

Марк был другим. Он спрашивал не «кто ты по бейджу», а «какой твой любимый фильм». Он смеялся над абсурдом форумов так же, как я, но без горечи — с любопытством инопланетянина. Он был отдушиной. Нашей тайной шуткой.

И в этом была моя роковая ошибка. Потому что когда у тебя появляется отдушина, ты расслабляешься. А расслабляться в нашем мире — все равно что разгуливать по мин-

ному полю вслепую.

Вечером после тяжелого дня у нас с Марком завязался жаркий, абсолютно неформальный диалог в Telegram. Я, уставшая и раздраженная после инцидента с с ключевым спикером, который требовал в свой гримерный зеленый M&M's (именно зеленый!), выплеснула в чат поток сарказма.

Мое сообщение Марку (22:47): «Сегодняшний герой дня — человек, который управляет бюджетом в триллионы, но может впасть в истерику из-за цвета конфет. Я представила, как говорю ему: „Ваше превосходительство, может, вам еще медвежонка и под одеяло?“ Умираю. Иногда кажется, что мы не форум делаем, а сумасшедший дом для привередливых гениев».

Его ответ был мгновенным: «Бедняжка. Сбегай ко мне, успокою. У меня есть виски и НЕ зеленые M&M's».

Я улыбнулась, собираясь ответить. Но в этот момент пришло срочное сообщение из рабочего чата координаторов. Я переключила окно, ответила, уточнила детали... и в роковом порыве многозадачности, отправила следующее сообщение не Марку.

Я отправила его в общий рабочий чат «Оргкомитет_General», где сидели 50 человек: мои коллеги, кураторы, представители крупнейших компаний-партнеров.

Сообщение, предназначенное для одного-единственного мужчины, полетело в эфир на 50 пар глаз.

Оно было еще хуже. Потому что я, желая быть остроумной для Марка, добавила:

Сообщение, отправленное В РАБОЧИЙ ЧАТ (22:49): «А лучше пришли фото этого виски. И себя в придачу. Для оценки качества успокоения. А то я сегодня готова усыпить даже того самого медвежонка под одеяло, честно».

Три секунды тишины в чате. Они показались вечностью ледникового периода.

Потом чат взорвался.

Сначала — недоуменные смайлы. Потом — одиночное сообщение от моего прямого начальника, Алексея Петровича: «Анна?».

А потом — волна. Волна «лолов», «огоней» и «ой-ой-ой» от коллег. Кто-то, видимо, уже начал копировать скриншоты.

Мир сузился до размера экрана телефона. У меня перехватило дыхание. Руки стали ледяными и влажными. Это был не просто промах. Это была катастрофа. Я только что публично высмеяла одного из ключевых участников (все и так поняли, о каком «медвежонке» речь) и флиртовала с неизвестным мужчиной, демонстрируя непрофессионализм уровня стажера.

Мой телефон завибрировал. Звонил Алексей Петрович. Голос у него был спокойным, ровным и от этого в тысячу раз страшнее.

— Анна. Удалить сообщение уже нельзя. Всем все ясно.

Завтра в 8 утра в моем кабинете. И... приготовься. Возможно, тебя попросят написать объяснительную... И принести извинения лично.

Он бросил трубку. Я сидела в полной тишине, глядя на экран. Чат бушевал. Кто-то уже написал: «Ну что, Анна, оценили качество успокоения?». Сарказм коллег был безжалостен.

Пришло сообщение от Марка: «Что случилось? Ты пропала?»

Я не ответила. Потом пришло второе: «О боже. Я только что увидел... Ты это... в тот чат? Анна, прости, это я тебя отвлек...»

Я выключила телефон. Просто выключила. Впервые за пять лет карьеры.

Весь мой идеально выстроенный мир — мир протокола, субординации, безупречности — рухнул из-за одной роковой ошибки в два клика. Из-за желания быть просто женщиной, а не программным директором. Из-за нормального мужчины.

Я смотрела в темное окно. Медвежонок под одеялом. Вот он, мой личный медвежонок по имени Провал. Он уже здесь. И усыплять его нечем.

Самое горькое было даже не в возможных оргвыводах. Самое горькое было в том, что я сама все разрушила.

А завтра... Завтра нужно будет идти и спасти то, что, возможно, уже не спасти. И смотреть в глаза тем, для кого я те-

перь не профессионал, а «девчонка, которая перепутала чаты».

Это был не просто промах. Это был крах идентичности. И виноват в нем был не форум, не ключевой спикер, не зеленые M&M's.

Виновата была я. Расслабившаяся. Живая. Совершенно непрофессиональная.

Глава 8. Извинения по протоколу (или как меня заставили просить прощения на коленях, которых никто не видел)

В восемь утра кабинет Алексея Петровича пахнет не кофе, а стерильным холодом. Он сидит не за своим столом, а в кресле для гостей, оставляя главное место пустым.

— Садись, Анна, — говорит он. Его лицо — маска вежливого сожаления. — Ситуация, мягко говоря, нештатная. Во-первых, под удар поставлена репутация всего оргкомитета. Во-вторых, затронуты чувства уважаемого участника. Скриншоты, к сожалению, уже ушли дальше нашего чата.

Он делает паузу, давая мне прочувствовать масштаб пожара.

— Есть два пути. Первый — твое немедленное отстранение от проекта. С формулировкой «по состоянию здоровья». Второй — процедура урегулирования.

Я понимаю. «По состоянию здоровья» — это клеймо. Конец карьеры в event-индустрии такого уровня.

— Что подразумевает процедура? — мой голос звучит чужим, ровным.

— Три шага. Первый: письменные извинения на имя руководителя форума. Второй: личные извинения... — он

смотрит на бумагу, — Владимиру Георгиевичу. Третье: твое добровольное понижение гонорара на 30% за этот проект в качестве компенсации репутационного ущерба.

Меня тошнит от этой четкости. Это не наказание. Это транзакция. Мне предлагают купить обратно свое место. Цена: унижение и деньги.

— Я готова извиниться, — говорю я, глотая ком в горле.
— Но лично... это возможно?

— Возможно и необходимо. Владимир Георгиевич согласился принять твои извинения в перерыве между сессиями. У тебя есть три минуты. В 11:20 в холле у лифтов на третьем этаже.

Меня отправляют на казнь. По расписанию.

В 11:15 я стою у лифтов. На мне самый строгий костюм, лицо — безупречный макияж, под которым бушует паника. Холл кишит людьми. Каждая секунда тянется как час.

В 11:20 из лифта выходит Он. Не один. С двумя помощниками. Увидев меня, он делает едва заметный знак, и помощники отходят на почтительное расстояние, превращая наш уголок в сцену.

Я делаю шаг вперед.

— Владимир Георгиевич, разрешите принести свои глубокие извинения за вчерашний неловкий инцидент в чате. Это была непростительная невнимательность с моей стороны, которая никоим образом не отражает моего глубокого уважения к вам и вашей работе.

Я отрепетировала эту речь сто раз. Она звучит как по протоколу посольства. Пусто.

Он смотрит на меня. Не сводя глаз. Его взгляд — не гневный. Он изучающий. Как энтомолог рассматривает редкий, несколько неприятный экземпляр.

— Анна, — говорит он наконец. Его голос тихий, для нас двоих. — Вы знаете, что самое обидное?

Я молчу.

— Не ваши слова. Слова — ерунда. Обидно, что вы... ослабились. Мы все здесь играем в одну игру. Игру в серьезность. А вы вдруг показали, что эта серьезность — просто карточный домик. Что за дверями кабинета мы можем обсуждать цвет конфет. Это подрывает основы.

Его слова попадают точнее любой формальной выволочки. Он прав. Я предала не его, а правила игры.

— Это больше не повторится, — говорю я, и в голосе прорывается надлом.

— Конечно, не повторится, — он почти улыбается. — Потому что в следующий раз вас просто не будет за этим столом. Вы способная. Но способных много. Нам нужны надежные. Те, кто не путает окна в чате.

Он кивает, поворачивается и уходит к ожидающим помощникам, оставляя меня одну в шуме холла. Унижение было не в самом факте извинений. Оно было в его понимании. Он видел насквозь. Видел маленькую девочку, которая пытается играть в большую игру и иногда сбивается.

Я иду в женский туалет, захожу в кабинку и наконец позволяю себе дрожать. Не плачу. Просто дрожу от унижения, стыда и бешенства. Бешенства на себя, на зеленые M&M's, на все.

Звонок от Марка. Я сбрасываю. Он пишет: «Прости. Как ты? Могу чем-то помочь?»

Я пишу в ответ одно: «Ты уже помог. Больше не надо».

Выключаю телефон. Снова.

Когда я выхожу, лицо снова безупречно. Я иду по коридору, и коллеги сторонятся меня. Одни — с жалостью, другие — со скрытым злорадством. Я теперь та самая, которая перепутала чаты. Легенда.

Вечером приходит официальное письмо о «взаимном согласии» по снижению гонорара. Я подписываю его электронной подписью. Клик. Еще одна часть моей гордости конвертирована в цифру со знаком минус.

Но что-то внутри щелкает. Что-то ломается и встает снова, но уже другой формы. Если раньше я боялась упасть, то теперь я уже упала. На самое дно. И обнаружила, что дно — твердое. И на нем можно стоять.

Они отняли 30% гонорара, три минуты моего достоинства и иллюзию, что я — часть их «серьезной игры».

Но у них осталась я. Уже не та. А та, что увидела цену всему этому. И эту цену — больше не боится.

Сегодня я извинилась. Завтра — буду работать. Но играть в их игру по-прежнему — не буду.

Осталось только понять, каковы мои правила.

Глава 9. Предложение, от которого нельзя отказаться (или когда тебя спасает тот, кого ты ненавидишь)

Три дня после инцидента я жила в режиме профессионального приведенья. Делала свою работу безупречно, молча, механически. Коллеги перестали шутить в моем присутствии. В чатах, куда меня все еще включали, царила натянутая вежливость. Я стала прозрачной. И это было даже хуже, чем шепот за спиной.

Именно в этот момент меня нашла Ольга Дмитриевна.

Она была моей антитезой, живым воплощением всего, что я втайне презирала. Не просто карьеристка — карьеристка-хищник. Она возглавляла PR одного из гигантов промышленности и славилась умением превращать любую, даже самую провальную инициативу, в глянцевого успех. Ее называли «королевой нарративов». Она носила броские цветные блузы (нарушая негласный дресс-код «уверенный нейтрал») и улыбалась так, будто знала о каждом компрометирующую подробность. Мы сталкивались раньше — она всегда пыталась продавить своих спикеров вне очереди, а я, как щит, отбивала ее атаки протоколом.

И вот она стоит у меня в дверях кабинетика (теперь мой стол — в открытом пространстве, дальше от всех) с двумя

бумажными стаканчиками кофе.

— Можно? — не дожидаясь ответа, входит и ставит один стаканчик передо мной. — С парой сиропов. Знаю, ты любишь сладкое после стресса.

Я смотрю на нее с немым вопросом. Она садится, отпивает свой кофе, изучает меня.

— Слушай, Аня, все это дерьмо с чатом... — начинает она небрежно. — Глупость, конечно. Но ты знаешь, что в этой песочнице любая глупость становится биографией. Твоя биография теперь — «девочка с M&M's». И это, считай, клеймо на лбу.

— Зачем вы пришли, Ольга Дмитриевна? — прерываю я ее, не в силах слушать констатацию очевидного.

— О, сразу к делу. Люблю это, — она улыбается. Улыбка хищная, но в ней есть доля искреннего восхищения. — Я пришла сделать тебе предложение. Ты выгорела здесь дотла. Тебя тут уже никогда не будут воспринимать серьезно. Ты можешь уйти в какую-нибудь милую ивент-контору делать корпоративы, но это не твой уровень. А можешь... сменить поле.

Она достает из портфеля папку, кладет передо мной.

— Мой проект. Новый закрытый частный клуб. Не в Москве. В Сочи. Но не для всех. Для наших. Для тех, кто устал от этих показушных форумов. Для настоящих разговоров, для сделок, для отдыха. Без протоколов, без бейджей, без дурацких чатов, где нужно следить за каждым словом.

Я листаю папку. Концепция безупречна. И безумно дорога. Место, сервис, клиентская база — только вершина пирамиды.

— Я уже собрала команду. Но мне нужен человек, который знает изнанку, знает всех этих «медвежат» лично, знает их причуды, их страхи, их настоящие интересы. Который может создать для них не мероприятие, а... среду обитания. Где они будут чувствовать себя хозяевами, а не экспонатами.

Она смотрит на меня пристально.

— Ты идеальна. Ты сейчас обожжена, унижена и зла. Идеальное состояние, чтобы создавать клуб для таких же обожженных, униженных и злых людей, которым надоело притворяться. Ты будешь не обслуживающим персоналом. Ты будешь со-владельцем. С маленькой долей, но с огромной ответственностью. И с зарплатой, которая в три раза перекроет твой текущий, даже без вычетов.

В воздухе повисает тишина. Это блестяще. И цинично. Она предлагает мне не работу, а возмездие. Построить свой клуб для тех, кого я должна была обслуживать. Перейти по ту сторону баррикад.

— Почему я? — спрашиваю я. — Вы же меня не любите.

— Именно поэтому, — мгновенно отвечает она. — Потому что ты меня тоже не любишь. И мы это знаем. В бизнесе, где все друг другу улыбаются, честная ненависть — самая надежная валюта. Я знаю, что ты не предашь, не потому что ты добрая, а потому что тебе это невыгодно. Твоя репутация

разрушена здесь, но там, в Сочи, она будет чистым листом. Моим и твоим.

Это гениально аморально. Она покупает не просто мои компетенции. Она покупает мой гнев, мою испорченную репутацию и превращает их в актив.

— А что будет, если я откажусь? — спрашиваю я почти шепотом.

Ольга Дмитриевна собирает папку, встает.

— Тогда ты останешься здесь. Будешь еще год, может, два, выполнять свою работу безупречно, но тебя будут помнить только как «ту самую». Потом ты сломаешься и уйдешь сама. Или тебя тихо выдавят на менее ответственную позицию. Ты слишком талантлива, чтобы быть незаметной, и теперь слишком запятнана, чтобы быть звездой. Это предложение — твой единственный шанс остаться в большой игре. Но на своих условиях. Подумай. У тебя 48 часов.

Она уходит, оставив после себя запах дорогих духов и вкус абсолютно запретного плода.

Я сижу и смотрю на пустой бумажный стакан. «Клуб для обожженных». Где я буду не служанкой, а хозяйкой. Где моя история с чатом станет не позором, а легендой — «видишь ту рыжую? это она про медвежонка написала, крутая».

Это безумие. Это риск. Это прыжок в пропасть с надеждой, что падать я буду в сторону моря и мягких плесов.

Я открываю ноутбук. Вбиваю в поиск авиабилеты Москва-Сочи. Потом набираю мамин номер. Сбрасываю. Открываю

чат с Марком. Его последнее сообщение: «Я все испортил. Но я хочу это исправить». Я не отвечаю.

Вместо этого я открываю чистый документ. И пишу в заголовке: «Концепция приватной среды „The Afterparty“».

Возможно, Ольга Дмитриевна права. Возможно, единственный способ выиграть в игре, где тебя уже заклеямили как проигравшую, — это сменить игру. И написать свои правила.

Но сначала нужно дописать свою историю здесь. Или сжечь ее дотла.

У меня есть 48 часов, чтобы решить.

Глава 10. СОБСТВЕННАЯ ИГРА (или что на самом деле лежит в сейфе)

Сорок семь часов я провела в состоянии перманентной лихорадки. Мозг металлически пережевывал варианты, а сердце глухо стучало «нет» на каждое рациональное «да».

Вариант Ольги Дмитриевны был безупречен. В него идеально ложилось все: обида, амбиции, жажда реванша. Переехать в Сочи, стать со-владельцем клуба, где я буду наконец-то не просительницей, а принимающей стороной. Где мой позор станет пикантной легендой. Это был циничный, безупречный ход конем в другую реальность.

И все же я не могла подписать контракт.

Потому что в глубине души я понимала: это не выход. Это побег. Побег из одной клетки в другую, более роскошную, но все же клетку. Вместо форумных «медвежат» я буду обслуживать клубных «тигров». Суть не изменится. Я поме- няю униформу на дизайнерское платье, но останутся вечные «да, конечно, Владимир Георгиевич» и «как пожелаете, Арсений».

Вечером второго дня я совершила ритуал. Открыла свой личный сейф — не банковский, а старый железный ящик, который стоял у меня дома с университетских времен. В нем лежали не деньги и не драгоценности. В нем лежала материальная память.

Пропуск на самый первый форум, где я была волонтером (картонка, потрепанная по краям). Визитка моего первого большого спикера, с которой я тогда ни за что не решалась позвонить. Билет в театр на «Вишневый сад», куда я ходила после провального интервью и плакала, глядя на Раневскую. И пачка блокнотов.

Я открыла самый первый. Ужасный почерк, наивные заметки: «Запомнить: кофе для спикера — только американо, без сахара, 90 градусов», «Не путать ключевого спикера N с его замом — у него родинка над бровью», «Спросить у Саши, как работает система подачи синхронного перевода».

Я перелистывала страницы, год за годом. И вот он, последний, почти законченный блокнот. Тот самый. И на его обороте, среди последних записей, я увидела то, что сама когда-то нацарапала и забыла.

Две колонки.

Слева: «Что они хотят видеть».

— Безупречность.

— Невозмутимость.

— Предсказуемость.

— Услужливость.

— Молчание.

Справа: «Что есть на самом деле».

— Хаос.

— Паника.

— Абсурд.

— Усталость.

— Истории.

И ниже, жирно подчеркнуто: «Настоящая ценность — не в протоколе. Настоящая ценность — в историях. Их не купить. Их можно только увидеть. И рассказать».

Я сидела на полу, обняв колени, и смотрела на эту запись. И тут меня осенило, как удар молнии.

Ольга Дмитриевна хотела купить мои знания и мой гнев, чтобы создать очередную закрытую песочницу для избранных. Но она, как и все, не видела главного.

У меня был актив, который не могла оценить ни одна бухгалтерия. Архив. Архив абсурда, человеческих слабостей, смешных и горьких историй, которые годами копились во мне, как в сейфе.

Мне не нужно было бежать в Сочи, чтобы строить клуб для избранных. Мне нужно было не обслуживать их миф, а рассказать правду.

Но не через позорный слив в чате. А через то, что я умела делать лучше всего — через текст. Через книгу.

Идея пришла целиком, как готовый роман. Не просто сборник зарисовок. А история падения и возрождения. История «форумчанки», которая увидела изнанку, споткнулась, была унижена и нашла в себе силы не сбежать, а создать нечто новое из обломков старого. Честную, смешную, горькую хронику эпохи. Книгу, которая станет таким же закрытым клубом для понимающих — но не по цензу пропуски, а

по силе узнавания.

Это была не месть. Это было наследие.

В 23:50, за 10 минут до истечения срока ультиматума, я позвонила Ольге Дмитриевне.

— Я благодарна за предложение. Это блестяще. Но я отказываюсь.

В трубке повисло короткое молчание.

— Глупо, — сухо сказала она. — Сентиментально и глупо.

— Возможно. Но это мой выбор.

— Что ты будешь делать? — в ее голосе прозвучало любопытство.

— Напишу книгу, — сказала я просто.

На другом конце провода раздался короткий, искренний смех.

— О боже. Это даже лучше. Дерзко. Бесперспективно. И... чертовски интересно. Ладно. Твоя потеря. Но если передумаешь... хоть про книгу — я знаю всех главных редакторов.

Она бросила трубку. Без злобы. С каким-то даже уважением.

Я положила телефон. Подошла к окну. Ночь, огни города, та самая Нева.

Я не поеду в Сочи. Я не останусь здесь, ползая на коленях. Я напишу. Напишу про зеленые M&M's, про желтый удлинитель, про дипломата с просроченной визой, про акционера-коллекционера. Про все.

Это будет моя «Afterparty». Не в клубе у моря. На бумаге. И в умах тех, кто узнает в этом себя.

Я открыла ноутбук. Создала новый документ. И вписала в заголовок то самое имя, которое родилось во время разговора с Ольгой, как насмешка и как вызов.

«Форумчанка в активном поиске».

Первую главу я начала в 4 утра. Пока весь город спал, а форумы молчали, я наконец-то заговорила своим голосом. Не для отчета. Не для чата. Для истории.

Это была не капитуляция. Это было наступление. Самое тихое и самое опасное из всех.

Глава 11. Первая строка, которая болит (или как начать рассказ, когда героиня — это ты)

Писать оказалось в тысячу раз страшнее, чем попасть в позорный чат.

Там был конкретный враг — коллеги, начальство. Здесь врагом стало прошлое. Оно приходило ночами, садилось на край кровати и шептало: «А ты уверена, что помнишь все точно?», «А не преувеличиваешь?», «А что, если они прочтут и подадут в суд?».

Я купила новый ноутбук, специально для книги. Чистый, без рабочих файлов и чатов. Открыла его и три дня смотрела на мигающий курсор в пустом документе. Первая строка должна была быть идеальной. Она должна была схватить за горло. А я могла думать только о том, как ужасно пахло в том подсобном помещении, где я нашла удлинитель для Лекса.

На четвертый день я выпила полбутылки вина (для храбрости, как мне казалось) и написала: «Мой будильник звучит не мелодией, а фразой „Добро пожаловать на пленарное заседание!“».

И тут же удалила. Это было слишком пафосно. Слишком «глянцево».

Попробовала снова: «Всё началось с того, что я перепута-

ла чаты и уничтожила свою карьеру».

Слишком прямолинейно. Слишком жалобно.

Текст либо выходил сухим, как отчет, либо истеричным, как пост в запрещенном блоге. Где-то посередине должен был быть тот самый голос — ироничный, уставший, наблюдательный. Мой голос. А я его, оказывается, никогда по-настоящему не слышала.

Меня спас случай. Вернее, мама. Она позвонила, как всегда, без повода.

— Доченька, ты что такая тихая? Опять на работе зашиваешься?

— Нет, мам. Я... книгу пишу.

На том конце провода повисло такое молчание, будто я сообщила о полете на Марс.

— Книгу? — наконец выдавила она. — А... о чем?

— О своей работе. О форумах. О... — я запнулась.

— О медведях? — серьезно спросила мама.

Я расхохоталась. Сквозь слезы. Именно так. О медведях. О больших, важных, смешных и страшных медведях, которые правят нашими лесами.

— Да, мам. О медведях.

И после этого разговора я наконец-то смогла написать. Не для издателя, не для будущих читателей. Для нее. Для женщины из Пскова, которая не знает, что такое «синхронизация спич-треков», но точно знает, что такое усталость, надежда и абсурд.

Слова потекли. Не идеальные, не выверенные. Живые. Я описывала Арсения, и мне пришлось остановиться — рука дрожала от злости. Я вспоминала дипломата Максима, и на клавиатуру упала пара предательских капель — не сожаления, а той странной нежности, которую оставляет после себя что-то красивое и невозможное. Я писала про электрика Васю, и улыбалась впервые за неделю.

Но самое сложное было — писать про себя. Про ту глупышку, которая поверила в свою неуязвимость. Приходилось разбирать по косточкам собственный позор, свою наивность, свой расчет. Это было похоже на хирургическую операцию без анестезии. Я видела, как строилась моя карьера — на амбициях, страхе и идеальной маске. И как один дурацкий клик обнажил хлипкость этой конструкции.

Однажды ночью я написала сцену извинений перед «медвежонком». И меня вырвало. Буквально. От унижения, которое снова стало свежим, осязаемым. Я сидела на полу в ванной, трясясь, и думала: «Я не могу этого публиковать. Никогда».

Но утром я перечитала этот отрывок. И поняла — это и есть самое важное. Не закулисные байки, не портреты сильных мира сего. А момент, когда с тебя сдирают кожу. И ты видишь, что под ней. Если убрать это — книга станет просто развлечением. А я писала не для развлечения. Я писала для правды. Горькой, неудобной, своей.

Я стала вести двойную жизнь. Днем — еще ходила на ста-

рую работу (меня не уволили, но отстранили от всего важного, давая бессмысленные задания). Я была призраком в знакомых коридорах. А ночью — оживала. Я была алхимиком, превращавшим свинец унижения в золото текста.

Ко мне снова написал Марк. Длинное сообщение. Он писал, что винит себя, что хочет помочь, что может «проинвестировать» мой писательский проект. Я ответила коротко: «Ты был частью истории. Спасибо. Но инвестировать нужно только в то, во что веришь. А ты не веришь в мои медведи. Ты просто чувствуешь вину. Это не основание».

Я отключила все уведомления, кроме маминых. Купила себе огромную доску, как в детективах, и стала рисовать на ней связи между героями-типажами, как карту звездного неба. Это был уже не хаос. Это была вселенная. Моя вселенная.

И в одну из таких ночей, когда за окном уже светало, я дописала главу про электрика Васю. И почувствовала не гордость. Облегчение. Как будто вытащила из груди занозу, которая сидела там годами.

Я поняла тогда простую вещь. Я пишу эту книгу не для того, чтобы отомстить. И не для того, чтобы прославиться.

Я пишу ее для того, чтобы отпустить.

Чтобы та девушка — Аня, программный директор, идеальная, напуганная, одинокая — могла наконец-то выдохнуть и сказать: «Да, это было со мной. И теперь это — не я».

Курсор мигал на конце страницы. Я поставила точку. Гла-

ва была закончена. В груди было пусто и светло. Как в комнате после долгой уборки, когда выброшено все лишнее.

Я выпила воды, глядя на розовеющее небо. Завтра будет новый день. И новая глава.

Но теперь я знала главное: я не боюсь больше ни прошлого, ни будущего.

Потому что я научилась переводить боль в слова. А это — самая могущественная алхимия на свете.

Глава 12. Первый читатель, который не должен был читать

Рукопись росла, как живой организм. Она уже перестала быть набором глав. Она стала миром, в который я каждый вечер погружалась с головой. Я почти физически ощущала запах кофе в лаунж-зоне, слышала гул голосов в кулуарах, чувствовала холодок экрана телефона в дрожащей руке.

Я перестала быть просто автором. Я стала редактором, цензором и адвокатом своих персонажей. Стоило мне смягчить описание Арсения, как внутренний голос (похожий на голос Ольги Дмитриевны) шипел: «Сентиментальничай!» Стоило сделать его чересчур карикатурным — другой голос (уже похожий на электрика Васю) вздыхал: «Ну, и зачем злить-то? Он же тоже человек, со своими тараканами».

Я заперла текст на семи цифровых замках. Он жил в зашифрованном облаке, копия — на отдельной флешке в том самом сейфе. Паранойя стала моей второй натурой. Я боялась не хакеров. Я боялась случайности. Той самой, что уже один раз все сломала.

Ирония судьбы: первый утечка произошла не из-за взлома. Из-за человеческой глупости. Моей.

Мне нужно было распечатать черновик, чтобы проверить, как текст ощущается на бумаге. Я пошла не в сетевую копи-центр, а в маленькую, почти домашнюю типографию у

метро, которой пользовалась еще со студенчества. Хозяин, дядя Женя, вечно в наушниках, вечно что-то жующий, всегда печатал без лишних вопросов.

— Дядь Жень, привет. Срочно, много, и, главное, конфиденциально, — сказала я, вручая ему флешку.

— Без вопросов, Ань, — кивнул он, беря флешку. — За тобой числится. Через три часа.

Я ушла, заказав себе двойной латте в соседней кофейне, чтобы убить время. И именно в этот момент дядя Женя, отвлеченный звонком от жены насчет того, какой кефир купить, вставил не ту флешку в компьютер. Не мою зашифрованную, а свою рабочую, куда скидывал заказы для отправки по почте.

А дальше сработал автопилот. Файл под названием «Форумчанка_черновик_1.pdf» был загружен в облако типографии, откуда автоматическая рассылка отправила его на почту клиенту, который жаловался, что не получил макет визиток. Клиентом этим был... помощник того самого Арсения.

В 18:32 мне позвонил дядя Женя. Его голос был хриплым от ужаса:

— Ань... Ты не поверишь. Я кое-что... перепутал. Твой файл... он улетел не туда. Ты мне говорила — конфиденциально... Ой, мамочки...

Мир сузился до точки. Я стояла с телефоном у виска, а за окном кофейни продолжала течь обычная жизнь.

— Кому? — выдавила я одним выдохом.

Он назвал имя. И мой мир рухнул во второй раз. Но на этот раз — тихо, без взрыва, как падение в бездонный колодец.

Арсений. Первый, кто прочтет. Самый холодный, самый расчетливый, самый опасный. Человек, который коллекционирует доступы, а не истории. И теперь у него в руках оказался доступ ко мне самой — сырой, неотредактированной, уязвимой.

Первой мыслью было — бежать. Взять паспорт и исчезнуть. Второй — уничтожить все копии. Третьей, самой тихой и самой странной, было... облегчение. Секрет больше не был секретом. Пуля, которой я так боялась, уже вылетела из ствола. Осталось только ждать, куда попадет.

Я не спала всю ночь. Ждала звонка. Сообщения. Письма с угрозами от юристов. Тишина была хуже всего.

Утром, в 9:05, пришло смс с незнакомого номера. Короткое, как выстрел:

«Глава про коллекционера связей. Стр. 47. Мой портрет узнаваем. Пришлите полную версию. Обсудим. А.»

Ни угроз. Ни гнева. Деловое предложение. Холодное, как сталь. Он прочел. Узнал себя. И его первая реакция — не закрыть проект, а запросить доступ к полной информации. Как к отчету о конкурентах.

Это было настолько в его духе, что меня даже передернуло от смеха, граничащего с истерикой. Он воспринял книгу не как исповедь или разоблачение, а как исходные данные.

Возможно, даже как комплимент.

Я сидела, глядя на это сообщение, и понимала: игра изменилась. Больше нельзя прятаться. Текст пошел в мир. Самый беспощадный его сегмент.

Я не отправила ему полную версию. Вместо этого я написала ответ, тщательно подбирая слова, как когда-то на том злополучном обеде:

«Это художественное произведение. Все персонажи — собирательные образы. Полная версия будет готова для обсуждения, когда будет завершена. С уважением, А.»

Я не просила прощения. Не оправдывалась. Я говорила с ним на его языке — языке дистанции и условностей.

Через минуту пришел ответ: «Собирательный образ — это роскошь, которую я не могу себе позволить. Жду завершения. Интересуюсь развитием сюжета. А.»

И все. Никакой паники. Никакого скандала. Просто констатация: «Я в курсе. Я наблюдаю. Продолжайте».

Я закрыла телефон. Дрожь наконец-то утихла, сменившись ледяным, ясным спокойствием. Первый барьер был взят. Самый страшный читатель прочел — и не стал убивать проект. Он его... заинтересовал.

В этот момент я поняла две вещи:

— Моя книга — уже не просто личная терапия. Это факт. Она существует в мире, где живут ее герои.

— Страх публичности прошел. Его место заняло любопытство. Что подумают другие? Узнают ли себя? Обидятся?

Засмеются?

Я открыла документ и дописала сцену, которую долго боялась — наш первый обед с Арсением. Теперь, когда он сам это прочел, я могла писать смелее, злее, точнее. Он уже был не призраком из прошлого, а соучастником.

Дядя Женя звонил еще раз, чуть не плача, предлагая вернуть все деньги и «замять дело». Я его успокоила. Сказала, что все в порядке. Что это, возможно, даже к лучшему.

Потому что теперь я писала не в вакууме. Я писала, чувствуя на себе взгляд. Взгляд того самого мира, который описывала. И этот взгляд не парализовал. Он заставлял быть честнее. Острее. Смелее.

Книга перестала быть тайным дневником. Она стала письмом, отправленным по самому опасному адресу. И первый ответ пришел.

Игра только начиналась.

Глава 13. Цепная реакция (или как мой текст стал валютой в кулуарах)

Тишина после сообщений Арсения длилась ровно сорок восемь часов. Я наивно надеялась, что он, как истинный прагматик, положит файл в папку «интеллектуальные активы» и забудет. В его мире эмоции — это нецензурируемые издержки.

Я ошиблась.

Он не забыл. Он инвестировал. Вложил мой черновик в самую выгодную из возможных валют — информацию. И расплатился им.

Первым звонком был звонок от ключевого спикера М (не того, с M&M's, другого, помоложе, из когорты «цифровых реформаторов»). Его помощник, девушка с голосом, отполированным до бесчувственности, сказала:

— Анна, добрый день. Я ознакомился с фрагментом текста, касающимся его персоны. Он просит уточнить: описание подготовки к выступлению на сессии «Цифровой суверенитет» — это метафора или основано на реальных событиях?

У меня перехватило дыхание. Они уже делят текст на фрагменты. Уже анализируют.

— Основано на общих наблюдениях, — сказала я, чувствуя, как звучит фальшиво. — Все персонажи собирательные.

— Собираательный образ не носит галстук с рисунком в виде интегральных схем, — мягко парировала помощница. — У спикера такой есть. Он считает это своим signature style. В любом случае, он благодарит за внимание к деталям и просит, если возможно, прислать финальную версию до публикации. Для исключения фактических неточностей.

Они не требовали запретить. Они требовали право на рецензию. Как на служебную записку.

Второй звонок был от девушки-нутрициолога Лекса, «цифрового визионера». Она говорила возбужденно, почти с восторгом:

— Ой, Аня, это ж вы про нас? Про Лекса и розетку? Это же невероятно! Он в полном восторге! Говорит, это лучший пиар его стартапа — человечный, смешной, с душой! Он хочет купить у вас право на использование этой истории в своей книге «Энергия прорыва». И... вы не могли бы в вашей книге чуть ярче описать наш напиток на кристаллах? Мы вам техзадание пришлем!

Мир перевернулся с ног на голову. Для одних книга была угрозой репутации, для других — бесплатным пиаром. Абсурд достигал космических масштабов.

Но настоящий удар ждал меня вечером. Пришло письмо. Официальное, на бланке. От юридической фирмы, представляющей интересы Владимира Георгиевича, того самого «медвежонка».

В нем не было ни угроз, ни гнева. Был разбор. Как разбор

полетов.

«В представленном фрагменте на стр. 12—15 усматриваются признаки вторжения в частную жизнь (описание непубличной реакции на рабочий инцидент), а также возможное причинение вреда деловой репутации в части формирования образа лица, не способного отделять личные эмоции от профессиональных обязанностей...»

Они разобрали мой текст, как бомбу, на винтики. И предъявили счет за каждый.

Суть была одна: «Или вы удаляете эти фрагменты и вносите правки, согласованные с нашей стороной, или мы будем вынуждены обратиться в суд с требованием запрета распространения, а также взыскания компенсации за причиненный ущерб».

И в конце, уже от руки, было приписано тем самым каллиграфическим почерком его помощника: «В.Г. также просит уточнить: метафора „медвежонок под одеялом“ — это ваше личное восприятие или цитата из внутреннего корпоративного фольклора? Просим ответить в рамках досудебной переписки».

Они превратили мой стыд, мою боль, мою историю — в юридический казус. В предмет для процессуальных уточнений.

Я сидела перед этим письмом, и меня трясло. Не от страха. От беспомощной ярости. Они снова пытались загнать меня в рамки. На этот раз — не корпоративного протокола, а юри-

дических формулировок. Они хотели отредактировать мою память. Вычеркнуть себя из истории, которую сами же и создали.

И в этот самый момент, когда казалось, что стены смыкаются, раздался стук в дверь.

Я открыла. На пороге стоял электрик Вася. В своем рабочем комбинезоне, с огромной связкой баранок в руке.

— Привет, царь-девица, — сказал он, ухмыляясь. — Место тут тебе передали, что ты книгу пишешь. Про наше братство. Так вот, мужики с моего участка скинулись, — он протянул баранки. — Говорят: «Вася, передай авторше. Пусть пишет. Мы тут все грамотные, почитаем с удовольствием. А то про нас никогда никто не пишет, про монтажников да электриков. Все про каких-то спикеров».

Я стояла с ошарашенным видом, принимая в руки еще теплые, пахнущие маслом бублики.

— Вася... как вы...

— Да я ж тебе говорил — у нас тут все на виду, — он подмигнул. — Слышал я, тебя тут некоторые бумагами пугают. Ты не бойся. Правда — она, как ток: если есть, ее не спрячешь. Может, и ударит немного, зато свет дает. Пиши.

Он развернулся и пошел, насвистывая. Спустился на два пролета и крикнул снизу:

— И про розетку не забудь! Без нее никуда!

Я закрыла дверь, прижала к груди баранки и медленно сползла на пол. И захохотала. Сквозь слезы. Сквозь весь этот

ад юридических писем, пиар-запросов и протоколов.

Одни хотели вырезать из книги себя. Другие — вписать себя ярче. А третьи — простые люди, которых в этой книге даже нет, — несли баранки в знак поддержки. Потому что чувствовали: эта история — про правду.

В тот вечер я не стала отвечать ни на письмо юристов, ни на другие запросы. Я села и написала новую главу. Про Васю. Про его баранки. Про то, как в мире, где все пытаются купить, продать или запретить правду, ее главными хранителями оказываются те, кому нечего терять.

А потом я открыла письмо от юристов. И в поле для ответа написала:

«Метафора „медвежонок под одеялом“ является художественным обобщением и отражает исключительно субъективное восприятие автора. Что касается правок: окончательный вариант рукописи будет направлен в издательство в том виде, который автор сочтет соответствующим замыслу произведения. С уважением, Анна.»

Я нажала «отправить». Не как жертва. Не как служащая. Как автор. Человек, который имеет право на свой текст и свою правду.

Цепная реакция запущена. Пусть идет. Я больше не боюсь взрыва.

Потому что у меня есть баранки от Васи. И это — самая надежная броня на свете.

Глава 14. Предложение о выкупе (или цена молчания)

Письмо оказалось не тузом в рукаве, а всего лишь первой разведкой. Настоящая атака пришла оттуда, откуда я не ждала. От людей, которых в книге не было.

Ко мне пришел человек в черном пальто. Не молодой, не старый. Лицо без возраста, голос без интонаций. Он представился «представителем консорциума крупнейших инвесторов и партнеров». Он не назвал имен.

— Анна, давайте без эмоций, — начал он, открывая папку. — Вы проделали... впечатляющую работу. Собрали колоссальный материал. Но, как и любой сырой материал, он нуждается в переработке. В утилизации. Или в безопасном захоронении.

Он вынул из папки не документ, а график. Диаграмму.

— Мы вложили в этот сектор X миллиардов. Ваша книга создает непредсказуемую турбулентность на рынке, которая угрожает нашим активам. Мы предлагаем вам компенсировать потенциальные убытки, выкупив тишину. Вот здесь — потенциальные репутационные потери ключевых персон. Здесь — возможные колебания котировок компаний, чьи топ-менеджеры узнаваемы в ваших «типажах». Здесь — вероятность срыва нескольких перспективных соглашений на волне ненужного скандала. Цифры, как видите, внушитель-

ные.

Он смотрел на меня, как ученый на подопытного кролика.

— Мы не будем вам мешать писать. Пишите. Назовите это... художественным исследованием. Но — для одного читателя. Для того, кто оплатит ваш труд сполна.

Он перевернул страницу. Там был контракт. Не на публикацию. На непубликацию. Сумма отступных была обозначена цифрой с таким количеством нулей, что у меня зарябило в глазах. Это было в десять раз больше, чем я могла бы заработать за всю жизнь на книгах, и в сто раз больше моего гонорара за все форумы.

— Вы получаете деньги. Полную свободу. И гарантию, что ваш труд не пропадет — он ляжет в архив, будет изучаться специалистами по управлению рисками как кейс. Вы просто... меняете аудиторию. Вместо миллионов — на одного ценителя. Это разумно.

Он положил рядом с контрактом шариковую ручку. Дорогую, тяжелую. Знак власти.

— Альтернатива, — сказал он мягко, — не в ваших интересах. Даже если вы опубликуетесь, юридические иски будут тянуться годами. Издательство, которое возьмется, разорится на штрафах. Книгу изымут из магазинов как клеветническую. А вас... ну, вы умная девушка. Вы понимаете, что помимо судов, есть такое понятие, как неформальная репутация. Ее очень легко испортить. Навсегда.

Это был не угрожающий тон. Это был прогноз погоды.

Как сообщение о том, что завтра будет дождь. Неизбежно.

— Вам нужно время? — спросил он, вставая. — У вас есть сорок восемь часов. Это — не предложение. Это — спасение. Ваше и всех, кого вы, сами того не желая, можете задеть.

Он ушел, оставив контракт и ручку на столе. И ощущение, что комната наполнилась угарным газом. Невидимым, смертельным.

Я смотрела на цифры. Они были гипнотическими. За эти деньги можно было уехать. Купить дом у моря. Спасти маму от всех проблем. Навсегда забыть про «медвежат», протоколы и желтые удлинители. Цена молчания. Она оказалась астрономической.

И самое страшное — в его словах была правда. Не вся, но часть. Я действительно могла разрушить жизни своих бывших коллег, которые стали мне почти семьей. Мелких поставщиков, которые работали с нами. Девушку-стажера Лизу. Я могла вызвать лавину, которая сметет не только вершины, но и подножье.

Сомнение вползло, как холодный туман. А что, если эта книга — не правда, а просто моя обида, размазанная на триста страниц? Что, если я, прикрываясь «творчеством», просто мщу миру, который меня оттолкнул?

Я открыла рукопись. Начала читать случайные отрывки. Про маму. Про Васю. Про панику перед выступлением ключевого спикера. И вдруг увидела это не как обличение, а как... любовь. Да, любовь. Горькую, ироничную, незамут-

ненную. Я описывала людей. Запертых в своих ролях, как в броне, но иногда выглядывающих из-под забрала.

И если спрятать эти портреты в сейф, то предателем буду я. Перед ними. Перед той самой жизнью, которую я так старательно собирала по кусочкам.

Но цена... Цена была так высока.

Ночью я пошла гулять. Бродила по питерским дворам-колодцам, где не было видно ни дворцов, ни огней форумов. Где была просто жизнь: кто-то ругался, кто-то смеялся, пахло пирожками и сыростью.

Я вышла на набережную. Ту самую, где гуляла с дипломатом. И тут меня осенило. Его здесь нет. Его отозвали. Арсения здесь нет — он считает юрисдикции. Медвежонка здесь нет — он боится сквозняков. А я — здесь. Я живу в этой стране не по визе. Я здесь дома.

И дом нужно не продавать. О нем нужно рассказывать. Со всеми трещинами в стенах, со смешными обоями и скрипучими половицами.

Я вернулась домой на рассвете. Контракт лежал на столе. Я взяла его, вместе с роскошной ручкой, подошла к шредеру. Включила. Медленно, листок за листком, превратила сделку в тонкую полосатую лапшу. Ручку сломала пополам и выбросила в мусорное ведро.

Звонок раздался ровно через час. Все тот же номер.

— Вы приняли неверное решение, — сказал голос без интонаций.

— Нет, — ответила я спокойно. — Я приняла единственно верное. Для автора. Передайте вашим принципалам: аукцион отменяется. Книга выйдет. А если они хотят купить правду — она не продается. Она, знаете ли, собирательный образ.

Я положила трубку. Сердце колотилось, но руки не дрожали.

Я села за компьютер. Открыла файл с рукописью. И в самом конце, после всех глав, добавила новую. С одним-единственным предложением, которое стало эпиграфом ко всей истории, ко всей моей жизни:

«Эту книгу нельзя было купить. Ее можно было только написать».

И отправила письмо в первое же независимое издательство, которое пришло в голову. Не дожидаясь ответа, не думая о последствиях.

Потому что иногда единственный способ сохранить себя — это перестать торговаться.

Даже если цена за это — целый мир.

Глава 15. Завершение цикла (или тишина перед ответом)

Тишина после отправки рукописи была особой. Не пустой, а насыщенной, как воздух перед грозой. В ней гудели все несказанные слова, все возможные последствия. Я сделала все, что могла. Теперь судьба книги была в руках других людей.

Я вышла в офлайн. Выключила рабочий телефон навсегда, оставив только личный. Отписалась от всех рабочих чатов. Мой выход был тихим, как испарение капли. Никаких прощальных писем, никаких объяснений. Просто однажды меня не стало в том цифровом пространстве, где я была «Анной, программным директором».

Первым делом я поехала в Псков. На две недели. Не взяв с собой ноутбука. Только блокнот и ручку.

Мама встретила меня на пороге, обняла крепко, не спрашивая ни о чем. Мы варили щи. Ходили на то самое озеро, о котором я рассказывала дипломату. Сидели молча, смотрели на воду. Она не спрашивала про книгу, про работу, про мужчин. Она просто была рядом. И в этом была вся мудрость мира.

Однажды вечером, когда мы пили чай с ее яблочным вареньем, она сказала:

— Знаешь, а я тут подумала... Медведи-то в лесу, они

ведь тоже не злые. Они просто большие, неуклюжие, и у них свои медвежьи дела. И шишки они роняют, и рычат, когда им страшно. А мы их боимся, потому что не знаем.

Я смотрела на нее, и у меня ком подступил к горлу.

— Ты про моих медведей, мам?

— Про твоих, дочка. Про твоих.

В этой простой фразе было больше понимания, чем во всех аналитических отчетах «человека в черном пальто». Она поняла. Не детали, не интриги, а суть.

Вернувшись в Петербург, я обнаружила, что мир не рухнул. Солнце все так же вставало над Невой. В булочной по-прежнему продавали лучшие круассаны. Я стала свободной. И первое, что я сделала со своей свободой, — пошла учиться. Не на курсы по event-менеджменту. На курсы сценаристов. Потому что если уж рассказывать истории, то учиться делать это мастерски.

Именно там, в небольшой студии на Петроградской, среди таких же одержимых сюжетами людей, мне пришло письмо.

Не на почту. В личные сообщения в соцсети, которую я почти не использовала. От Александра Борисовича, главного редактора того самого независимого издательства. Короткое: «Анна, рукопись получил. Прочел за ночь. Мне нужно с вами встретиться. Не как редактор с автором. Как читатель с писателем. Завтра, если можете. Я в Питере».

Сердце упало и взлетело одновременно. «Как читатель с писателем». Эти слова значили больше, чем любой контракт.

Мы встретились не в кафе и не в офисе. Он предложил Летний сад. Осенний, пустой, засыпанный золотыми листьями.

Александр Борисович оказался немолодым человеком с внимательными, усталыми глазами. Он поздоровался, и мы пошли по аллее.

— Я издаю книги двадцать пять лет, — начал он без преамбулы. — Видел все. Героический пафос, чернуху, коммерческие поделки, гениальные провалы. Вашу рукопись... я читал и вспоминал, зачем вообще занялся этим делом.

Он остановился, повернулся ко мне.

— Это не закулисные сплетни. Это — портрет эпохи. Точнее, портрет того сословия, которое сейчас правит бал. Вы написали не про злодеев. Вы написали про пленников. Пленников денег, статуса, собственного страха. И сделали это с такой человечностью и иронией, что хочется не осуждать, а плакать над ними. И над собой, в какой-то степени.

Он помолчал, смотря на пруд.

— Книгу мы издадим. Быстро. Тиражом, какой сможем. Без рекламной шумихи, но с достоинством. И да, будут проблемы. Письма, звонки, возможно, суды. Мое издательство маленькое, но у него есть позвоночник. Он пока еще не согнулся.

Я слушала, и по щекам текли слезы. Не от счастья. От признания. Не того, что «талантливо». А того, что поняли. Уловили самый нерв, то, ради чего я все это затеяла.

— Спасибо, — смогла сказать я только одно слово.

— Не благодарите. Это я должен сказать вам спасибо. За напоминание, — он улыбнулся. — Контракт вышлем завтра. Условия стандартные, но честные. А теперь у меня к вам вопрос, не как у редактора. Как у читателя.

Он посмотрел на меня прямо.

— Что будет с героиней? С Аней? Вы оставляете финал открытым. Но в жизни... что будет с ней?

Я посмотрела на желтые листья, кружащиеся в воздухе. На воду. На небо. И поняла, что знаю ответ.

— Она будет жить. Не в Сочи, не в клубе для избранных. Здесь. Она будет писать. Может, сценарии. Может, еще одну книгу. Про другую жизнь. Она научилась не бояться. И, возможно, даже встретит кого-то. Не дипломата. Не акционера. А просто человека. Который не спросит, какой у нее бейдж.

Александр Борисович кивнул.

— Хороший финал. Реалистичный. С надеждой. Так и оставим.

Мы пожали руки и разошлись в разные концы аллеи. Я шла одна, и осенний ветер обдувал лицо. Я больше не была «форумчанкой в активном поиске». Поиск завершился. Я нашла — себя. Автора. Женщину. Дочь. Гражданку своей страны, которая наконец-то перестала смотреть на нее через призму протокола и увидела живую, сложную, безумную жизнь.

Я вышла из сада, купила круассан в той самой булочной и

пошла домой. На пороге меня ждала посылка. Без обратного адреса. Внутри лежал желтый удлинитель. Новенький, в целлофане. И записка: «Для новых историй. От Лекса и команды. P.S. Напишите про нас еще. Мы стали лучше».

Я рассмеялась. Рассмеялась так громко, что соседка выглянула на лестничной клетке.

Все было позади. И все — только начиналось. Впереди были правки, верстка, первая бумажная книга в руках. Возможно, скандал. Возможно, молчание. Неважно.

Я заварила чай, села у окна и открыла чистый документ. Курсор мигал, приглашая к новой истории.

Книга вторая. Послепати

Глава 1. Бывшая форумчанка и ее новый, совершенно неподходящий герой

Вы думаете, выпуск книги — это когда ты торжественно держишь в руках первый печатный экземпляр, пахнущий типографской краской, и плачешь от счастья? Абсурд. Настоящий выпуск книги — это когда ты в три утра в пижаме с енотами гуглишь свое имя в паническом поиске первых отзывов и натыкаешься на форум «Event-Profy», где анонимный пользователь «BigBoss88» пишет: «Авторша, конечно, выдумала всё от начала до конца. Ни один нормальный программный директор не будет такой глупости в рабочий чат слать. Фейк!».

Я сидела, смотрела на этот комментарий и думала: «Дорогой BigBoss88, если бы это был фейк, я бы придумала себе героического любовника с яхтой, а не историю про желтый удлинитель из подсобки». Но спорить с интернетом — все равно что спорить с автоматом по продаже кофе: он все равно плюнет тебе в стакан тем, что считает нужным.

Моя жизнь после выхода «Форумчанки» напоминала

странный гибрид Золушки и отставного шпиона. С одной стороны — меня приглашали на радио (маленькое, но свое), брали короткие интервью блогеры, а в булочной «Волконского» барменша теперь клала в мой кофе дополнительную порцию сиропа со словами: «Для нашей писательницы!». С другой — моя карьера в event-индустрии высшего эшелона была официально и бесповоротно похоронена. Меня не звали даже на открытие торгового центра. И это была абсолютная свобода. Такая же головокружительная и страшная, как прыжок с парашютом без инструкции.

Именно в этот момент, когда я балансировала между восторгом самореализации и паническим вопросом «а на что жить дальше?», в мою жизнь ворвался Матвей.

Он ворвался не метафорически. Он ворвался буквально, врезавшись в меня на самокате на набережной канала Грибоедова, когда я, задумавшись, вышла из-за угла прямо под его колеса.

Мы рухнули в кучу. Я — с телефоном в одной руке и сумкой в другой. Он — с роскошным, явно не российским самокатом и выражением дикого ужаса на лице.

— Боже! Вы живы? Я вас не раздавил? — он подскочил ко мне, пытаясь помочь подняться. Его руки были сильными, в царапинах, а глаза — цвета спелого крыжовника, зеленые и совсем не «деловые».

— В основном жива, — проворчала я, отряхиваясь. — А вот телефон, кажется, отправился в лучший из миров.

— Я куплю новый! Сейчас же! Какой у вас? iPhone? Samsung? — он залопошился, вытаскивая свой разбитый вздрезбег аппарат. — О, черт. Мой тоже. Отлично. Значит, купим два.

Он говорил с легким, едва уловимым акцентом. Не иностранным. Как будто русский был его родным, но долго жил в чемодане.

— Не нужно два телефона, — сказала я. — Достаточно извинений. И, может быть, информации, с какой скоростью нужно нестись на самокате по историческому центру, чтобы попасть в Книгу рекордов Гиннеса.

— 25 километров в час! — немедленно и совершенно серьезно ответил он. — Я замерял. Но я ехал не быстрее пятнадцати. Это был несчастный случай, вызванный моей невнимательностью и вашей... поэтической задумчивостью. Вы, кстати, чем так задумались?

— Думала, как ответить человеку, который считает мою жизнь фейком.

— О! — его лицо озарилось. — Вы тоже писатель? Я — архитектор! Правда, пока только в проекте. В смысле, я архитектор, но мой проект — это пока... — он махнул рукой в сторону самоката, — мой основной транспорт.

Это было так нелепо, так далеко от мира галстуков с интегральными схемами и разговоров о синергии, что я рассмеялась.

— Матвей, — представился он, наконец подняв свой са-

мокат. — Специалист по устойчивым средам. В основном — из дерева и стекла. А вы?

— Аня. Специалист по неустойчивым средам. В основном — из человеческих амбиций и страха опозориться. Бывший.

— Бывший специалист по страху? Здорово! — он, кажется, совершенно не иронизировал. — Слушайте, я не могу просто так вас отпустить с разбитым телефоном. Давайте я куплю вам кофе. В знак... в знак того, что я не хам и уважаю пешеходов. Тем более задумчивых.

Мы пошли в ближайшую кофейню. Матвей оказался тем редким типом мужчины, который не смотрит в телефон за столиком. Он смотрел на собеседника. И задавал вопросы, на которые хотелось отвечать.

— Итак, ваша жизнь — фейк? — спросил он, попробовав свой капучино и поморщившись. — Слишком сладко.

— По версии BigBoss88 — да. А по факту — такая правда, что иногда самой не верится.

— А что вы сделали-то?

— Написала книгу. Про ту самую жизнь.

— И что, там все правда? И про розетки, и про медведей?

— Особенно про медведей, — кивнула я.

— Потрясающе, — сказал он, и в его глазах зажегся искренний восторг. — Значит, вы вдвойне специалист. По неустойчивым средам и по медведям. Можете консультировать.

Он оказался тем самым «просто человеком», о котором

я говорила редактору. Он не спрашивал, кто я по бейджу. Он спросил, какое мое любимое дерево. Я, растерявшись, сказала: «Дуб». Он серьезно кивнул: «Надежный выбор. Но с причудами. Осенью листья держит до последнего, хотя все уже облетели. Упрямец».

Когда мы прощались, он вытащил из рюкзака не визитку, а кусок грифельного сланца, ровно отколотый, и гвоздиком выцарапал на нем свой номер.

— Это моя визитка. Натуральная, экологичная и ее нельзя потерять — она порвет карман. Позвоните, когда куплю новый телефон. Или если понадобится консультация по медведям. Или просто так.

Я шла домой, держа в руке теплый камень с цифрами, и понимала, что мир перевернулся. Раньше меня находили мужчины, которые знали цену всему. Этот нашел меня, сбив с ног, и говорил о ценности грифельного сланца.

Дома меня ждало письмо. Официальное. Приглашение. Не на форум. На закрытую литературную премию для «неудобных авторов». Прислал Александр Борисович, мой редактор. В сопроводительном письме он написал: «Анна, готовьтесь. Там будут те, кого вы описывали. Им будет интересно на вас посмотреть. Держитесь. И носите каблуки пониже — будет много стоять».

Я положила приглашение на стол рядом с куском сланца. Два мира. Один — каменный, простой, прямой, с запахом дерева и скоростью 15 км/ч. Другой — зеркальный, слож-

ный, опасный, где мою правду будут разглядывать в бинокли те, кто в ней узнает себя.

И я поняла, что моя «последпарты» только начинается. И главный вопрос теперь — не «как выжить?», а «с кем танцевать?». С тем, кто предлагает камень с номером, или с теми, кто предлагает премию в позолоченной клетке?

А телефон BigBoss88 так и лежал разбитый в сумке. Лучшего символа было не придумать.

Глава 2. Премия для неудобных (или как меня оценивали те, кого я вывела в титрах)

Литературная премия «Открытая книга» проходила не в помпезном зале, а в лофте бывшего хлебозавода. Ирония была тоньше, чем я ожидала: нас, «неудобных авторов», собрали среди голых кирпичных стен и индустриальных балок, как на складе. Возможно, это был метафорический намек: мы — необработанный материал.

Александр Борисович встретил меня у входа с двумя бокалами белого.

— Выглядите отлично, — оценивающе кивнул он. — И каблуки разумной высоты. Выучили урок.

— Я теперь вообще предпочитаю кроссовки, — сказала я, принимая бокал. — Но для такого случая сделала исключение. Кто здесь, из «моих»?

Он обвел взглядом зал, где уже кипел коктейль из черных платьев, бархатных пиджаков и умных очков.

— О, да тут почти вся ваша рота. Вон, у стойки, в синем галстуке — ключевой спикер М, тот, что с интегральными схемами. Он, кстати, в жюри. Вон там, окруженная молодыми поклонниками, — Ольга Дмитриевна. Она, видимо, решила, что быть прототипом антагониста — тоже пиар. А вон,

у окна, с бокалом воды... присмотритесь.

Я присмотрелась. К стеклу спиной стоял Арсений. Один. Смотрел не в зал, а на ночной город. Поза была той же — собранной, закрытой. Но в ней читалась какая-то новая усталость. Не деловая. Личная.

— Он здесь как? — тихо спросила я.

— Как меценат премии. Его фонд — один из спонсоров. Кажется, ваш текст его... заинтересовал не только как угроза.

Прежде чем я успела это осмыслить, ко мне подошел к спикеру М. Без помощницы. С улыбкой, в которой было 30% любопытства, 50% расчета и 20% чего-то, похожего на уважение.

— Анна, разрешите поздравить, — сказал он, чокаясь со мной. — Мужественный поступок — выставить на всеобщее обозрение не только нас, но и себя. Особенно глава про... подготовку к выступлениям. Я, кстати, купил диктофон. Как вы и советовали в книге, хотя и не прямо. Чтобы не забывать, о чем думаю до выхода на сцену.

— И как, помогает? — спросила я, чувствуя себя сюрреалистично.

— Страшно, — честно признался он. — Иногда слушаю и думаю: «Боже, и это я собирался сказать людям?». Так что, спасибо. За... встряску.

Он кивнул и растворился в толпе. Я стояла, потрясенная. Он сказал спасибо. Не «примем к сведению», не «обсудим»,

а спасибо. Мир определенно перевернулся.

Меня окликнул голос, который я узнала бы в аду на костре. Медленный, бархатный, с легкой хрипотцой.

— Поздравляю с дебютом, коллега.

Я обернулась. Передо мной стоял Владимир Георгиевич, «медвежонок». Без свиты. Один на один. В его руке был бокал с тем же белым вином.

— Владимир Георгиевич, — кивнула я, собирая всю волю в кулак, чтобы голос не дрогнул. — Не ожидала вас здесь увидеть.

— А я всегда интересуюсь... интерпретациями, — сказал он, делая маленький глоток. — Особенно теми, где я выступаю в роли антигероя. Это полезно. Остужает. Вы знаете, после вашей книги мне пришлось сменить помощника.

У меня похолодело внутри.

— Он... уволился?

— Нет. Он начал заботиться обо мне. Спрашивать, не нужно ли зеленых M&M's. С сочувствием в голосе. Это было невыносимо. Я вернул себе дистанцию. Так что, в каком-то смысле, вы помогли навести порядок.

Он улыбнулся. Это была не та техническая улыбка. Это была улыбка человека, который оценил хороший ход в долгой игре.

— Удачи сегодня. Хотя, думаю, вам ее не понадобится. Вы сыграли по-крупному. И выиграли.

Он повернулся и ушел, оставив меня в состоянии легкого

шока. Они не злились. Они... оценили. Как оценивают сильного противника. Это было лестно и жутко одновременно.

Именно в этот момент я почувствовала на себе взгляд. Не оценивающий, не любопытный. Наблюдающий. Я обернулась. Арсений стоял все у того же окна, но теперь смотрел прямо на меня. Он не подошел. Он просто поднял свой бокал в мой сторону на сантиметр. Сухой, почти невидимый жест. «Я вижу тебя. Я здесь».

Я ответила тем же. Мы стояли в разных концах зала, разделенные толпой, прошлым и тремя страницами текста. И в этом молчаливом тосте было больше диалога, чем за все наши деловые обеды.

Церемония прошла как в тумане. Мою книгу номинировали в категории «Независимый голос». Я не выиграла. Выиграл пожилой поэт из Воркуты, писавший о жизни шахтеров. И это было абсолютно справедливо. Когда объявили его имя, я аплодировала громче всех, с чувством огромного облегчения. Слава Богу, никакой премии. Никаких официальных одобрений.

После церемонии ко мне пробилась Ольга Дмитриевна.

— Ну что, Аня, довольна? — спросила она, сияя как новогодняя елка. — Видела, как они на тебя смотрят? Ты стала им интересна. Это дороже любой премии. Мое предложение в Сочи еще в силе, кстати. Но теперь, я вижу, у тебя уже есть... защитник? — она кивнула в сторону окна, где Арсений все еще стоял.

— Это не защитник, — возразила я. — Это читатель.

— В нашей вселенной это одно и то же, дорогая, — засмеялась она и растворилась в толпе.

Я вышла подышать на крытую террасу. Воздух был холодным, свежим. И тут ко мне присоединился он.

— Не замерзли? — спросил Арсений, стоя в полуметре, не приближаясь.

— Нет. Здесь приятно. После всего этого... тепла.

Он молча кивнул.

— Вы не обиделись? — спросила я прямо, глядя на огни города. — На книгу.

— Обида — неэффективная эмоция, — сказал он так же прямо. — Я проанализировал. Вы были точны. Это... редкость. Большинство видят фасад. Вы увидели механизм. Пусть и назвали его «коллекционером связей».

— А как бы вы назвали?

— Выживающим, — после паузы сказал он. — В мире, где все друг друга едят, есть только две роли: тот, кто ест, и тот, кого едят. Я выбрал первое.

— И это... стоит того?

Он впервые за вечер посмотрел на меня, а не сквозь меня.

— Раньше я был уверен. Теперь... не знаю. Ваша книга поставила под вопрос стоимость многих вещей.

Мы помолчали.

— Вы будете писать еще? — спросил он.

— Да. Но, наверное, уже не про вас.

— Жаль, — он почти улыбнулся. — Было бы интересно почитать продолжение. Узнать, чем закончилась история.

— Чем же, по-вашему?

— Надеждой, — сказал он неожиданно. — Иначе зачем было все это писать?

Он слегка наклонил голову, повернулся и ушел обратно в зал, оставив меня одну с этим словом. Надежда. Самое непрактичное, что только мог сказать человек, измеряющий жизнь в сделках.

В кармане у меня завибрировал телефон. Новый, купленный накануне. Сообщение от неизвестного номера: «Как премия? Раздавили тапком или увенчали лаврами? Интересно как читатель и как человек, который все еще хочет купить вам кофе. Матвей. P.S. Нашел ваш номер через барменшу в „Волконского“. Надеюсь, это не криминал».

Я рассмеялась, глядя на экран. Два мира. Один — там, за стеклом, где меня оценивали те, кого я описала. Другой — здесь, в телефоне, где меня нашел через барменшу человек, который пишет «интересуюсь как читатель».

Я посмотрела в окно, где отражался зал с его золотыми огнями и важными людьми. А потом на телефон. И ответила: «Не увенчали. И слава Богу. За кофе — да. Но предупреждаю: я теперь специалист по медведям. Это обязывает. Завтра в 5?»

Ответ пришел мгновенно: «Обязательно. Буду в полной антимедвежьей экипировке. И с новым самокатом. На слу-

чай побега».

Я выключила телефон. Сделала последний глоток воздуха и пошла прочь с премии. Не через парадный выход. Через черный ход, мимо грузовиков, увозящих декорации.

Самое интересное всегда начинается после того, как опустеет зал и погаснут софиты. Особенно когда у тебя в кармане лежит кусок сланца с номером, а впереди — свидание с человеком, который боится не санкций, а слишком сладкого капучино.

И кажется, этот герой в моей новой истории будет куда опаснее всех предыдущих. Потому что с ним можно потерять голову. А не просто карьеру.

Глава 3. Свидание с экспертом по медведям (и прочим неустойчивым средам)

Свидание с Матвеем было назначено в пять, но он написал в 4:30: «Я уже здесь. Сажу на скамейке у львов. Львы выглядят скептически, но я их уговариваю». Приложил фото: он в темно-зеленом худи и потертых джинсах, а два каменных льва с моста действительно смотрели на него с выражением глубокого недоверия.

Я подошла, стараясь не улыбаться как дура. Он вскочил.

— Вы пришли! И львы не съели! Мои уговоры подействовали. Пойдемте, я нашел место, где нет ни одного человека в галстук. Гарантирую.

Он привел меня не в кофейню, а в мастерскую. Свою. Она располагалась в огромном светлом помещении на территории завода «Арсенал». Везде стояли деревянные макеты, пахло сосной, маслом и свежей стружкой. На большом столе лежали чертежи, больше похожие на абстрактные картины.

— Это... вы здесь работаете? — растерянно спросила я.

— Живу и работаю, — улыбнулся он. — Арендую угол. Здесь дешево, светло, и никто не мешает думать. Кофеварка там, в углу. Настоящая, итальянская. Я научусь ей поль-

зоваться, лет через пять. А пока — чай. Самый обычный, в пакетиках. Но зато вода правильной температуры!

Пока он возился с чайником, я рассматривала пространство. Никаких дипломов на стенах. Зато были фотографии: странные деревянные конструкции в лесу, павильон на берегу озера, дети, карабкающиеся по какому-то лабиринту из бруса.

— Это ваши проекты?

— Мои детища, которые пока никто не усыновил, — сказал он, ставя передо мной кружку с чаем. — Эко-отель в Карелии, общественный центр в депрессивном поселке, детская площадка, которая учит законам физики. Все на бумаге и в макетах. Жду своего часа.

— И чем вы живете? — спросила я, садясь на табурет.

— Тем, что беру заказы, от которых не тошнит. Переделываю квартиры, делаю мебель. Иногда — консультирую богатых людей, которые хотят «эко-шале» но с подогревом пола из золота. Это мучительно, но платят хорошо. Хватает на аренду и на макеты. А вы? Чем живете теперь бывшая гроза форумов?

Рассказала ему про скромные гонорары от книги, про первые попытки писать сценарии, про панику перед счетом за квартиру.

— Здорово! — искренне восхитился он. — Вы же теперь свободный художник. В прямом смысле. Это круче, чем любой контракт. Страшно, но круто.

И мы заговорили. Не о прошлом, не о форумах. О будущем. О том, каким он его видит. Матвей говорил о городах, где дома дружат с деревьями, о школах без стен, о том, что красота должна быть не роскошью, а нормой. Говорил увлеченно, размахивая руками, показывая на макеты. В его словах не было ни грана цинизма. Только вера. Наивная, упрямая, заразительная.

— А вы не боитесь, что это утопия? — спросила я.

— Конечно, боюсь! — рассмеялся он. — Каждое утро просыпаюсь и думаю: «Матвей, ты идиот». А потом иду и делаю еще один макет. Потому что если не я, то кто? Большие дяди в галстуках? Они строят дворцы из стекла, где нельзя открыть окно. Это не будущее. Это красивая тюрьма.

Я пила чай и слушала. И чувствовала, как внутри что-то оттаивает. Как будто я месяц провела в стерильной, кондиционированной комнате, а меня вдруг вынесли в лес, где пахнет сыростью, грибами и свободой.

— Знаете, — сказала я, — я думала, что после моей книги все сложные мужчины в моей жизни закончились. Оказалось, они просто стали другими. Вы — самый сложный из всех.

— Я? — он удивленно поднял брови. — Я же проще пареной репы. Вот Арсений, ваш «коллекционер» — да, тот сложный. Я читал, кстати. Блестящий портрет. Меня от него мороз по коже продрал. Вы с ним... сейчас общаетесь?

Вопрос был задан без ревности. С чистым любопытством.

— Он был на премии. Мы поговорили. Он сказал, что книга поставила под вопрос стоимость многих вещей в его жизни.

— Вау, — протянул Матвей. — Это высшая форма комплимента от такого человека. Значит, вы не просто описали — вы изменили реальность. Мои макеты меняют только мое настроение. А ваша книга меняет людей. Это мощно.

Меня до слез тронула эта его способность восхищаться моим делом, не сравнивая и не принижая свое.

— А с ним можно было бы... что-то большее? — осторожно спросил он.

— Нет, — ответила я сразу и четко. — С ним можно играть в шахматы. Но нельзя танцевать. А я, кажется, хочу танцевать.

Он посмотрел на меня, и в его зеленых глазах что-то вспыхнуло. Теплое, живое.

— А я, например, танцую ужасно. Но если это важно... я научусь. По YouTube.

Мы смеялись, когда в дверь постучали. Неожиданно, резко. Матвей пошел открывать. На пороге стоял курьер в униформе премиальной службы доставки. В руках — длинная, узкая коробочка, обернутая в крафтовую бумагу.

— Анне Сергеевне?

— Это я, — сказала я, подходя.

— Вам. Бесплатная доставка от отправителя. Требуется личная подпись.

Я подписала, взяла коробку. Она была легкой. Распаковала. Внутри, на мягкой ткани, лежала старинная чертежная линейка. Деревянная, с потрескавшимся лаком, с чуть стершимися делениями. К ней была прикреплена карточка. Без подписи. Только три слова, написанные от руки тем же каллиграфическим почерком, что и в юридическом письме:

«Для измерения дистанции. А.»

Арсений. Он не просто наблюдал. Он действовал. Подарок был гениален. Не цветы, не драгоценности. Инструмент. Символ точности, дистанции, работы. И тончайший намек: «Я знаю, где ты. И с кем. И помню все».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.